

Две искусно сделанные бумажные львицы оживали под управлением мастеров, казалось, будто настоящие звери борются за разноцветный шар.

Зрители не скупались на аплодисменты и восторженные крики.

Лю Сиси заметила, что Тао Янь не сводит глаз с танца львов, и спросила:

— Тебе нравится смотреть на танец львов? Я могу отвести тебя посмотреть на лучший танец львов во всем Дунсюе.

Тао Янь легко усмехнулся и покачал головой:

— Мне просто нравится здешняя суэта, в конце концов, во двор... там слишком одиноко.

— Чем больше ответственность, тем больше ноша, — Лю Сиси утешительно погладила Тао Яня по голове.

— Ох, это и есть так называемое одиночество сироты при живых родителях.

В глазах Тао Яня читалось столько одиночества и тоски, что у Лю Сиси сердце сжалось от жалости.

□Хозяин, ты опять философствуешь и вызываешь жалость!□

Тао Янь пропустил мимо ушей разоблачения Системы, хотя она была права: в последнее время он действительно то и дело играл роль несчастного, вызывая сочувствие, чтобы заработать очки благосклонности.

Это был самый быстрый путь, но всего лишь короткая дорожка. Если постоянно притворяться жертвой, можно превратиться в лицемерную штучку. План Тао Яня заключался в том, чтобы сначала использовать этот метод для улучшения своего имиджа, а затем заставить людей перейти от жалости к настоящим чувствам.

— Впереди ведь проходит конкурс поэзии и литературы, сестрица Лю, пойдем посмотрим.

Недавняя угнетенность казалась лишь иллюзией Лю Сиси, Тао Янь мгновенно вернул себе невинную улыбку.

Лю Сиси тоже была тертой калачом, и такое неуклюжее притворство Тао Яня не могло ускользнуть от ее глаз. Однако ее корни в Дасине были еще неглубоки, и кроме как парой утешительных слов, она никак не могла помочь, хотя и не догадывалась, что вся эта наивность

была тщательно разыграна Тао Янем.

— Да, — ответила Лю Сиси, и они снова погрузились в тишину.

Оба были заняты своими мыслями и не знали, о чем заговорить.

Тао Янь первым нарушил неловкое молчание:

— Тогда давай пойдем запишемся на участие.

— Хорошо.

Шагая рядом, Лю Сиси мысленно ругала себя: я ведь собиралась дать ему развеяться, нельзя больше упоминать о его тяжелом прошлом. И надо же этому проклятому Дасину подкидывать ему одни горькие воспоминания! Вот захвачу эту страну, тогда и придумаю тысячу способов заставить тебя улыбаться.

У Тао Яня не было столько внутренних монологов, он все это время общался с Системой.

□Хозяин, я только что просканировала окрестности, Главный герой тоже здесь, должно быть, как раз у места проведения конкурса поэзии и литературы. Он не говорил ничего полезного, так что я понятия не имею, зачем он пришел.□

— Похоже, сюжет должен развиваться именно так.

□Наверное, это из-за твоего эффекта бабочки, Хозяин. По сравнению с оригиналом сюжетец слегка хромает.□

— Проверь, а убийцы из Шофэна прибыли?

□Не могу найти□, — обиженно протянула Система.

Если бы не тот факт, что Тао Янь общался с ней мысленно, он бы точно сошелся с Системой в смертельной схватке.

Тао Янь потребовал ответа:

— Не можешь найти? Разве ты не новая Система? Разве у тебя не должна быть скорость интернета на уровне взлета?

— Я... я тоже не знаю. Ой, Хозяин, если поднять голову, можно увидеть Главного героя, мы потом поболтаем, — на этих словах Система аварийно отключилась.

— Эй ты! — Тао Янь не успел договорить, как Лю Сиси схватила его и зашагала быстрее.

— Что случилось? — спросил Тао Янь.

Лю Сиси легко шлепнула Тао Яня по макушке:

— Ты что, олух? Разве не собирался участвовать в состязании? Там сказали, что регистрация скоро закроется, чего ты замешкался?

— Ой-ой.

Припустив изо всех сил, они успели в самый последний момент перед закрытием регистрации.

Хотя это называлось конкурсом поэзии и литературы, соревнование проходило весьма непринужденно. Каждому выдавали кисть, лист бумаги и общую тему, на которую можно было сочинить стихотворение или песню в любом стиле.

На первый взгляд все выглядело просто, но на самом деле здесь проверялись и каллиграфия, и литературный дар. При этом у каждого участника был всего один лист бумаги, а значит, писать нужно было безошибочно — любая пометка испортила бы общее впечатление.

На все про все давалась палочка благовоний, по истечении времени работы сдавались на суд жюри, которое отбирало десятку лучших для вручения наград.

В этот раз темой выбрали весну, чтобы соответствовать атмосфере весенней ярмарки.

Тао Янь не то чтобы совсем не умел писать стихи, но тягаться с здешними могущественными мудрецами древности он, конечно, не мог, поэтому ему оставалось лишь действовать по проверенной схеме и заимствовать произведение из пятитысячной истории Китая.

Сдав работу, он отпросился у судей. Обычно судьями выступали уважаемые всеми старики, но поскольку мероприятие было народным, пригласить по-настоящему великих мастеров не представлялось возможным.

Тао Янь и не рассчитывал в одночасье прославиться на всю столицу как литературный гений, так что просто скопировать первое попавшееся стихотворение и войти в топ-десятку было вполне по силам, а вот бороться за первое место ему было ни к чему.

В начале раздали много бумаги, но вернулось ее не так уж много — в конце концов, многие так ничего и не написали.

Конкурс поэзии и литературы ушел на перерыв, и на сцену вернулись различные представления. На помосте несколько человек исполняли оперные партии, но Тао Янь не проявлял к этому особого интереса и лишь озирался по сторонам, пытаясь разглядеть, где устроился Главный герой.

Людей оказалось слишком много, и поиски ни к чему не привели.

Прошел примерно час, прежде чем ведущий конкурса поэзии и литературы вышел к публике и объявил:

— Судейская коллегия подозревает, что на этот раз произошла утечка тем, что нарушает принципы честной борьбы.

Толпа замерла в недоумении, и кто-то озадаченно спросил:

— С чего вы взяли, что тема утекла?

Ведущий пояснил:

— Потому что двое участников написали стихи, которые ни капли не похожи на те, что сочиняются на месте за отведенную палочку благовоний.

Как только эти слова прозвучали, вокруг поднялся шум. Весенняя ярмарка считалась довольно крупным собранием, и хотя здешний конкурс поэзии и литературы не был официальным состязанием талантов, поэтому истинные литераторы брезговали в нем участвовать, состязание отличалось высокой честностью. Все приходили ради развлечения, в основном простые горожане — много ли среди них было настоящих знатоков?

И вдруг сегодня заговорили об утечке тем, что изрядно разозлило людей.

Ведущий громко спросил:

— Кто автор произведения «Весенний плач»?

— Я, — из толпы вышел молодой человек в белых одеждах с красивыми чертами лица.

Тао Янь с первого же взгляда попросил Систему идентифицировать личность незнакомца. Обычно те, кто выглядел столь привлекательно, никак не могли быть простыми смертными и

определенно являлись ключевыми персонажами.

Вскоре Система доложила Тао Яню:

□Хозяин, этот человек — молодой канцлер Шофэна, Хэ Фэй. В детстве он был соучеником нынешнего императора Шофэна, а теперь стал его доверенным лицом, которого называют первым талантом Шофэна.□

<http://bllate.org/book/26041/3117980>